
Мария решает:
выпить чай
или испариться
Мария Секрет
18+

Мария Секрет

Мария решает: выпить чай или испариться

https://litres.ru/74129278
SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если самое страшное - не то, что с тобой сделали, а то, во что ты в итоге поверила о самой себе?

Мария не сразу понимает, что с ней происходит. Она знает лишь, что любовь почему-то причиняет боль, близость пугает, а собственным чувствам доверять опасно. Чтобы выжить, она учится приспосабливаться, оправдывать других и искать в себе причину всего, что идёт не так.

Но что, если однажды ты уже не сможешь отличить собственные желания от чужих голосов в своей голове?

Это автобиографическая история девушки с пограничным расстройством личности (ПРЛ), чьё прошлое продолжает жить в настоящем. История о травмах, разрушительных привязанностях и попытке понять, в какой момент ты потеряла себя.

Здесь нет простых ответов. Только воспоминания, противоречия и болезненный поиск правды, которая не всегда оказывается такой, какой хотелось бы её видеть.

Мария решает: выпить чай или испариться. Но что делать, если иногда исчезнуть хочется не из жизни, а из самой себя?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	37
Глава 8	40
Глава 9	42
Глава 10	44
Глава 11	48
Глава 12	51
Глава 13	53
Глава 14	57
Глава 15	61
Г	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Мария Секрет
Мария решает: выпить чай или испариться

Глава 1

Утро шестого октября началось с того, что открыв занавески на окнах, я сразу же захотела закрыть их обратно. Сначала я подумала, что за окном повесили грязное стекло. Но это был просто октябрь.Стояла понурая, безрадостно-серая погода, что особенно нехорошо, если ты человек с рекуррентной депрессией, которого ощутимо выбивают из строя осень и приближение собственного дня рождения.

Из гостиной доносились шорохи издаваемые мужем и нашей собакой.

Он встал раньше меня и до работы успел погулять с ней, на часах было почти одиннадцать утра. Распределение бытовых обязанностей и роль жены в которую я себя посвятила в июле этого года подразумевали, что мне необходимо встать, чтобы успеть приготовить мужу завтрак до его отъезда. Хотя Марк и заверил, что у меня нет необходимости это делать, я знала, что его слова являлись “предложением-вежливостью”, так я называю некоторые призывы людей, которые

они делают не потому что они действительно так думают, а потому что так принято делать.

Раковина на кухне была засорена и завалена грязной посудой уже вторую неделю, поэтому акт готовки превратился в еще одно действие, которого хотелось избегать. Она смотрела на меня, как старый знакомый, от которого невозможно отвертеться. Я открыла шкаф за тарелкой и чуть не уронила на себя стопку посуды. Даже фарфор, кажется, был против моего существования. Нужно сказать честно, что и до этого я не могла бы сказать, что стоять с поварешкой на кухне или чистить лук было одним из моих любимых занятий. Должно быть, мне следовало бы стыдиться этого, ведь моя мама-домохозяйка готовила отлично различные вегетарианские блюда, а бабушка проработала большую часть жизни поваром. Но стыдно мне почему-то не было.

После завтрака, состоявшего из тостов с яйцом, огурцом и авокадо в сметанном соусе, я принялась просматривать последние письма, что пришли мне на почту. Я получила еще несколько отказов с вакансий на руководящие должности и одно новое сообщение от работодателя с гостиницы в часе езды от нас. Меня пригласили на первое собеседование с момента начала моего поиска работы, в этот четверг, что возможно должно было меня обрадовать, но особого воодушевления я не ощутила по нескольким причинам:

В гостинице было много различных вакансий и мне сообщили, что только после интервью, дав мне оценку, они могли

бы сделать конкретное предложение.

В последнее время мне было не свойственно ощущать воодушевление от чего либо.

Муж собрался на работу и ушел, поцеловав меня в щеку и пожелав хорошего дня. Порой мне кажется, что он вовсе не знает меня, но с другой стороны тяжело обвинять кого бы то ни было в добрых пожеланиях.

Вечерние смены мужа до 11 вечера казались мне одними из самых сложных дней в неделе, потому что я попросту не знала куда и с какой целью деть свое тело. Что, пожалуй, должно было казаться мне и самой странным, ведь чаще всего его присутствие дома абсолютно не означало его присутствия в моей жизни. Он вечно был занят своими проектами и схемами, как улучшить наш доход, отчего у меня возникало ощущение сродни тому, как родитель просит ребенка пойти и поиграть в саду, пока он занят взрослыми делами.

На этот раз на часах было триннадцать, что заставило меня начать утопать в мысли, что я ума не приложу куда деть столько свободных часов. Наверное, если бы я сказала об этом своему старшему брату, он посмеялся бы и даже позавидовал тому, что я могу делать все, что душе моей угодно. По видимому в этом и была зарыта собака (не моя, к счастью), что лежа днем на кровати в перерыве от чтения книги “Элли и арфист”, я задумалась о том, почему все занятия, что приходили мне в голову не вызывали во мне ни малейшего желания начать ими заниматься, хотя в их списке были

и приятные, такие как прохождения нового квеста в Стиме и чтение художественной литературы.

Жаль, что от того, что ты понимаешь, что сколько не устраивает тебя в этой жизни, ничего не начинает медленно расплываться и таять: автобусная остановка напротив нашего дома, продуктовые магазины с улыбающимися юными продавцами и уродливые букеты в цветочном магазине на краю улицы. Интеграция в новую для меня страну, Нидерланды, проходила неоднозначно.

Меня радовала открытость населения. Как-то я шла по улице, и абсолютно чужой мужчина с велосипедом улыбнулся и сказал 'Hoi'. На секунду стало неловко — будто он меня перепутал с соседкой. Но нет, это была просто их привычка здороваться. Это какая-то совсем незнакомая и не заложенная для моей родной страны схема поведения, которая похоже была развита в голландцах с раннего детства. Хотя мой друг Алекс недавно предостерег меня, что у них другое воспитание, и что нам с детства говорили, что ябедничать нехорошо, а голландцам, что это их святая обязанность. Алекс сказал это с той лёгкой усмешкой, какой у него обычно сопровождаются все советы: будто он предупреждает меня о том, что дождь мокрый. Также он сообщил мне, что грибы западнее Польши люди в лесу не собирают. Он говорит, что здесь такой народ, что им внушают родители, что большинство грибов - ядовитые, поэтому рисковать не стоит. По его мнению, это давало мне преимущество, так как я планирую

поехать в лес на выходных, чтобы их собирать. Но почему-то и в этом я не ощущала в себе какого бы то ни было преимущества. Тем более, мой муж не ест грибы ни в каком виде, а я обычно готовлю только то, что ему тоже нравится. И в этот момент я особенно ясно почувствовала, что живу по чужим правилам: и в чужой стране, и на собственной кухне. Исключение из этого составляли оливки и французский сыр бри, которые я иногда позволяла купить исключительно для себя, правда, готовить их не было необходимости.

Сегодня мне стоило немыслимых усилий, чтобы заставить себя сходить в ближайший продуктовый магазин за молоком (для мужа) и за красным, сухим вином на вечер (для меня). Признаться, шла я в него весьма в подавленном состоянии, светофор, чтобы перейти на противоположную улицу первый раз на моей памяти сегодня не работал, что будто только усилило ощущение тщетности стараний и издевок судьбы. Когда я огибала поворот к магазину, на тротуаре я заметила лежавшую и уже покрывшуюся грязью монетку в двадцать центов. Моя первая мысль была забрать ее себе, но меня оставил целый ворох предубеждающих размышлений, а именно:

Летом, когда я нашла в Латвии монету в один рубль на земле (что нужно признаться было большой и большо й редкостью), мой муж на другом конце провода сказал, что забирать себе деньги, что ты нашел на улице является плохой приметой и в целом не к добру. Я так и не забрала монету,

но проходя мимо этой дорожки несколько дней после, я старательно пыталась найти ее в выросшей траве, что не увенчалось успехом. Видимо, ее забрал кто-то, кто не так сильно верит во всякие приметы.

Я задумалась о том, зачем, собственно, она бы мне пригодилась. И за доли секунды, проходя мимо нее, я не смогла ответить себе на этот вопрос.

Эта мысль появилась во мне гораздо позднее, когда я возвращалась домой после прогулки с Луной, я подумала, что вероятно кому-то другому, кто нашел бы ее, также как и я, она была бы нужнее. Ведь несмотря на то, что мой муж весь в минусах на кредитной карте из-за того, что принял решение жениться на мне и перевезти меня в Нидерланды, где он уже проживал четыре года, мы не бедствовали (по крайней мере настолько, что монета в двадцать центов могла бы существенно как-то облегчить ситуацию).

Вернувшись с магазина, мне было еще сложнее заставить себя выйти в дождь с собакой на прогулку, но слова моего мужа о том, что терпеть собакам нельзя и что в детстве у его собаки Греты обнаружили рак матки (как он считал, именно из-за того, что с ней нерегулярно гуляли), заставило меня собраться с силами, которых по правде не было и все же выйти на улицу. Луна рыскала по дорожке, норовила понюхать каждый куст, и в её беспечной радости было что-то почти терапевтическое: она тянула меня в мир, который продолжал существовать независимо от моих внутренних штормов.

И вот — цветы. В ящиках на окнах, у витрин, в мини-клумбах вдоль дороги — как будто кто-то развесил маленькие пятна цвета по серой рамке города. Алые герани, плотные пучки фиолетовых анютиных глазок, желтые пятна, похожие на крошечные солнца. Я остановилась и, пожалуй, впервые за долгое время удивилась самой себе: мне показалось странным и чуть радостным, что я всё ещё способна отметить про себя их красоту. Это ощущение было простым и почти детским — негромкая радость, а тихое знакомство с чем-то приятным. Я присела на скамейку, собака устроилась у ног, и мир на минуту стал понятней: лепестки, капли недавнего дождя, тонкое пятно света на мокром асфальте. Я позволила себе задержаться на этой картинке и в это короткое мгновение тяжесть отступила настолько, чтобы я могла вдохнуть.

Радость, правда, быстро гасла: мысль о поиске вакансий и отказах на желаемые должности, о муже, о забитой раковине вернулась, как прилив. И пусть радость исчезла, как рябь на воде, — я знала: во мне всё ещё есть то, что умеет откликаться. Возможно, будь у меня антидепрессанты, не будь этой осени, приближающегося дня рождения и ещё бог весть чего, этот момент мог бы стать якорем. Тем самым, за который цепляешься, чтобы не уйти ко дну. Но моё судно якорей не имело.

Глава 2

Когда мне стало так тяжело справляться с собственной жизнью? Когда всё это началось? Возможно, тогда, когда мои родители привезли меня в первый класс на первое сентября. Все остальные дети были с родителями, а меня оставили одну. Родители сказали, что не знали, что их присутствие обязательно. Зато потом подарили мне мыльницу, в голубой жидкости которой плавали фигурки пингвинов. Это был один из моментов, который крепко засел в моей памяти. В тот день дети с родителями лепили из пластилина на картоне свои семьи. Чтобы я не осталась совсем одна, учительница прикрепила меня к одному отцу и его сыну. Думаю, тогда я этого не понимала, но отец того мальчика был так добр и обходителен. Видимо, ему было нескончаемо жаль меня. То, что я тогда ощутила, было смесью тревоги, одиночества и непонимания, что и как я должна делать.

Эти чувства часто сопровождали меня и позже. Например, на выпускном в 9 классе. Всех учеников вызывали на сцену, и их родственники подходили, дарили букеты цветов. Часто несколько сразу. Но когда я вышла, рядом никого не оказалось. Родители приехали только под конец церемонии. Папа спешил по своим делам и буквально кинул в меня пятьдесят евро на парикмахера. Я собиралась сделать прическу для выпускного в отеле неподалеку от школы. И тогда я по-

думала: именно эти моменты — когда ты физически окружена людьми, но остаешься одна — оставляют след, который тянется через годы. Тревога тогда сжала меня в маленький комок, который я несла с собой долго, почти незаметно, пока он не стал частью моей жизни. Можно ли было винить их в том, что этот вечно сомневающийся и неуверенный в себе настолько человек - был мной? И да, и нет. Отец появился на свет, хотя бабушка не хотела его рождения и всеми доступными в деревне способами пыталась прервать беременность. К её разочарованию и, возможно, к счастью моего отца, это не удалось. Но, как он сам говорил, из-за этого по жизни мучился от страшной аллергии. Со слов отца, его сестра, старше его на шестнадцать лет, избивала его с тех пор, как он еще лежал в кроватке. Когда-то в разговоре с моей матерью он признался: единственное, что помогло ему выжить — это желание вырасти и однажды убить её.

И когда я услышала эту историю, я начинала понимать: мои сомнения и моя тревога — это не только про меня. Они будто рождены ещё до моего появления. Я могла бы предположить, что мой отец тоже не чувствовал для себя места в этой жизни. Возможно, я бы выразилась более уверенно, если бы наши отношения с ним не были бы такими пустыми и ломкими, как солома. Можно ли винить человека за то, что в силу своих травм, он является тем, кто он есть? Я так не думаю. Но долгие годы и возможно, даже сейчас, когда со дня на день мне исполнится двадцать шесть лет, я все еще

оставляю за собой право винить его в том, что он решил завести детей, когда все в нем так и резонировало с этой идеей.

В детстве, когда мы хотим завести животное, нам внушают: это не игрушка. За ним нужен уход и внимание. Недостаточно просто налить воды и насыпать корма — ему нужно твое участие. Я знаю, что у моего отца, когда он только познакомился с моей мамой, был кот. К сожалению, я ничего не знаю о его судьбе. Может быть, я ошибаюсь? Может, некоторым котам и правда хватает миски с едой, воды и крыши над головой?

Я думаю об отце и его коте, пока мою посуду в ванной, потому что раковиной на кухне все еще нельзя пользоваться. Вода стекает в раковину, руки скользят в мыльной пене, и вдруг меня пронзает мысль: может, и я сама всю жизнь — как тот кот? Достаточно ли мне только крыши и еды, или всё же я хочу чего-то большего?

Скрип ключа во входной двери возвращает меня в мою реальность. Марк пришел домой и мне нужно быть готовой к тому, что он будет недоволен тем, что я не прогулялась с собакой еще раз до его возвращения с работы и не удосужилась вымыть всю посуду, приготовив ему ужин, ведь он так устал после своей дневной смены. Вероятно, мне должно быть печально, что всех слов мира, на доступных мне языках - русском, английском и даже латышском мне не хватило бы, чтобы объяснить ему, что я не просто лентяйка и бездарь. Но почему-то это не вызывает во мне ровным счетом ника-

ких чувств.

Муж сам готовит себе ужин и часто вздыхает. Все его жесты выглядят резко и обрубленно, как он выкидывает мусор в пакет, как открывает полку морозильника - резко, громко, она не закрывается и он обливает ее глухим матом.

Он говорит о том, что я забыла купить консервы собаке, но у меня не было никакого желания оправдываться, поэтому я слушала, как закипает вода в кастрюле. В этом звуке было больше смысла, чем во всех наших разговорах за последние месяцы. Сев за свой компьютер и включив сериал, он ел молча, а я смотрела, как пар поднимается от макарон, будто из него выходила последняя теплота нашего дома. Повезло, что по жизни мне обычно жарко даже тогда, когда окружающим холодно и они кутаются в пледы.

Глава 3

И вот, этот день подкрался, как хеллоуинский маньяк в черной мантии и маской на месте лица из “Очень страшного кино”. Это был мой день рождения, двадцать шестой по счету. Я заранее знала из прошлого опыта, что это будет непросто. Моя мама - София считала, что это связано с тем, что душа человека к его дню рождения становится более уязвимой к нападкам астральных сущностей. Мне эта теория казалась неоднозначной. Скорее дело было в том, что жизнь заставляет тебя подвести итоги, чего ты достиг и чего добился за прожитые годы. И часто, это осознание не приносит особой гордости.

Я проснулась, муж уже успел выгулять собаку и тепло поприветствовал меня, выбирающуюся из постели. Позже я прочитала несколько поздравлений от знакомых и ответила на звонок маме с папой, которые заверили, что я лучшая дочь на свете. То, что это сказала мама меня не удивило, потому что ей хотелось сделать мне приятно в этот день, но было необычно, что папа на заднем фоне подтвердил ее слова, так как ему никогда не была свойственна сентиментальность. Наверное, по этой причине он пожелал мне мудрости и оставаться в Нидерландах, так как у него еще пару лет назад было предчувствие, что мне нужно переселиться в Швецию, Норвегию или туда, где я сейчас и проживаю. Он ска-

зал, что Марк не кажется ему хуже моего бывшего, который за два года “убил” машину, что папа дал нам в пользование безвозмездно. Я поблагодарила их и мы повесили трубки.

Муж решил показать, что он мне заказал на Temu в подарок. Это был набор из розовых резинок, двух заколок, ободков для макияжа и маленьких тканевых треугольничков для нанесения консилера или тонального крема. Еще набор светящихся резинок, лампа, которая крепится на стену и светит вверх и вниз разными цветами и светящуюся небольшую вазу. Его можно было понять, Марк обожал все, что светится.

Так же он показал подсветку для унитаза с ультрафиолетом и освежитель для воздуха в ванную в виде свечи.

По плану было не завтракать дома, поэтому я быстро оделась, накрасила салатовые и ярко зеленые тени, нанесла блеск для губ и мы вышли из дома. Мой сенсор для считывания глюкозы прошлой ночью перестал работать (у меня диабет первый типа) и поэтому пришлось сначала заехать к пакомату за новым. Мы немножко заплутали в одном индустриальном, закрытом городке неподалеку от нас, оставили машину на парковке и пошли пешком за сенсором. День был средней степени тяжести угрюмым, иногда из-за облаков виднелось осеннее солнце, освещающее листву под моими ногами. Я шла по дорожке и громко шуршала ботинками по листьям. Думаю, что мне надо признаться, что это то, что мне нравится в осени - просто незатейливо шуршать листьями. Марк сказал, что ему это тоже по душе, поэтому мы де-

лали это какое-то время молча, пока не дошли до пакомата. Я решила не доходя до машины сразу снять куртку и поставить новый датчик.

Затем мы вернулись в машину и решили поехать в один ресторан неподалеку, что мне очень полюбился своей атмосферой, большими порциями и веганским бургером с обжаренной картошкой. Особенно мне понравилось, что летом на террасе там были столики, а напротив них было огороженное поле с лошадьми. Ресторан работал, но на улице было ни души, не считая мужчины с листодувом неподалеку. Пока Марк курил, мы размышляли стоило ли нам сесть снаружи, так как на улице было градусов плюс тринадцать, а у мужа были уже ледяные руки (он мне всегда напоминал какое-то экзотическое животное, которое было привезено из тропических джунглей на север Европы). Мне стало его жаль и я предложила сесть внутри, хотя тогда мой план обеда с просмотром лошадей накрывался медным тазом. Мы зашли внутрь, чтобы решить окончательно, где нам лучше устроиться, я начала говорить, что: “Тут, конечно”, но муж перебил и закончил фразу за меня, что “Тут, конечно, лучше, давай останемся внутри”. Я не стала спорить.

В виде исключения и желания добавить нотки праздника в этот день, я заказала себе шампанское, а Марк каппучино. Потом я перевела ему несколько позиций из меню, чтобы он смог выбрать, что ему по вкусу. В итоге, я заказала полюбившийся мне веган-бургер и так как Марк не ел креветки,

шампиньоны, говядину и бекон, ему пришлось сделать тоже самое.

Мне принесли белый бокал для шампанского и маленькую бутылочку австрийского просекко. Вкус у него был удручающий и я почти сразу пожалела, что не взяла свое любимое пиво IPA. Мы страшно объелись, я все же не стала пить свой напиток и заказала пиво, после чего было решено отправиться в продуктовый магазин. В магазине мы купили недостающие продукты домой, а именно: помидоры, огурец, руккола, вегетарианские котлеты и консервы для Луны. Зная, что сегодня Марк должен уйти на ночную смену в восемь вечера, я купила для себя два кусочка клубничного торта и сухое шампанское.

Я хотела прогуляться где-то на природе, но муж обычно ложился спать днем до своего отъезда на работу, поэтому мы поспешили домой. Он лёг спать почти сразу, а я осталась одна на кухне, глядя, как пузырьки в бутылке шампанского поднимаются вверх. День рождения шёл по плану - в точности, как я и ожидала. Когда Марк проснулся, у нас оставалось сорок минут до его отъезда, поэтому он предложил пройтись с Луной вместе. Пока мы гуляли, ему позвонила его мама, она хотела меня поздравить и он передал мне трубку. Я ее всегда называла просто по имени - Анна, хотя муж и говорил, что ей было бы приятно услышать от меня обращение “Мама” в ее сторону. Но при всем уважении и тому, что по факту сделать мне это было несложно, казалось странным

называть так женщину с которой я не состою в близких отношениях. Тем более, что я обращалась к ней на Вы и из-за этого, если бы я говорила ей “Мама”, то это было бы сродне еврейским анекдотам про “Мамо, Вы шо”. Анна поздравила меня, расспросила про мои впечатления о переезде и сказала, что сказала, что всё это время ждала моего звонка после свадьбы, и теперь у нее наконец появился повод самой набрать. Откровенно говоря, эта информация меня удивила, так как видимо я никогда не была ничьей невесткой и для меня не было очевидным, что я вообще должна ей звонить, если этого не требует какой-то праздник. Договорив и отдав трубку Марку, мы подошли к дому, я пошла мыть собаку, а Марк, попрощавшись уехал на работу. Тишина опустилась на квартиру, как снег. Я сидела на кухне, глядя на наполненный бокал и пузырьки в нем, которые все еще поднимались вверх. Наверное, они просто не знали, что праздник уже закончился.

Глава 4

Когда мой брат Ник бывал пьяным и мы с ним говорили по телефону, он иногда пытаясь удостовериться в том, что связь работает нормально, в шутку начинал медленный отсчет от одного до десяти: “Раз. Два. Три. Четыре. Пять”. После этого, я должна была подтвердить, что его хорошо слышно и все в порядке. Сегодня днем я это вспомнила, общаясь с Марком. Видимо, мне тоже хотелось удостовериться в том, что хотя бы иногда до него доходит то, что я ему говорю. Хотя все чаще в последнее время мне казалось, что дело тут не в связи.

Мы говорили о самых обычных вещах — кто купит молоко, не забыла ли я оплатить счета, почему снова не помыта посуда. Но в какой-то момент в его голосе появилась та интонация, после которой я всегда чувствую, что разговор выходит за пределы бытового. Он сказал, что ему тяжело со мной разговаривать, потому что я “Всё время будто где-то не здесь”. Что я отвечаю отстраненно, будто мысли где-то в стороне. Я слушала его и думала: если бы он знал, как часто я сама ощущаю себя так — словно иду по улице и одновременно наблюдаю за ней со стороны. Я вижу движения, слышу голоса, замечаю мелочи, но будто не могу полностью коснуться момента.

“Ты опять молчишь”, — сказал он.

“Я просто думаю”, — ответила я, хотя на самом деле думала о том, как это странно — пытаться доказать человеку, что ты всё ещё на линии, когда разговор уже давно прервался.

Он вздохнул и замолчал. Я смотрела на него и чувствовала, как слова зависли между нами. В комнате было тихо, только лёгкое дыхание Луны напоминало, что день продолжается. Я кивнула и больше ничего не сказала. Мы просто сидели рядом, слушая молчание, каждый погруженный в свой компьютер.

Пятница уже не за горами, а вместе с ней — собеседование на должность супервайзера смены в Starbucks. Я ещё раз пробежала в голове все детали: время, место, возможные вопросы, всё, что можно было подготовить заранее. В глубине души я понимала, что нервничаю больше, чем хотела бы признать.

Дни до пятницы тянулись странно — я пыталась отвлекаться делами по дому, прогулками с Луной, но мысли о предстоящем собеседовании постоянно возвращались. Я попробовала разные варианты одежды, придумывала ответы на возможные вопросы, даже проговаривала их вслух. Каждый раз ощущение тревоги слегка усиливалось, будто я готовилась к экзамену, который решает гораздо больше, чем просто получение работы.

И вот наступила пятница. Утро было пасмурным, прохладным. Я оделась, посмотрела на себя в зеркало, сделала

глубокий вдох и вышла с Марком из дома. Мы достаточно быстро добрались до аэропорта, где находилась кофейня - 17 минут на машине, хотя каждый раз думая об этом, я мысленно вносила поправку, что на общественном мне ехать минут сорок пять. Муж проводил меня до входа и отправился курить на улицу, ожидая меня. Кафе выглядело симпатично, в бежевых и зеленых тонах. Я подошла к барной стойке (можно ли ее так называть, если там готовили только кофе и безалкогольные напитки?) и сразу увидела Катерину, менеджера Starbucks. Это была девушка лет 32-35, с длинными русыми волосами, собранными в хвост и свитшоте в бело-зеленую полоску. Ее вид подтолкнул меня к соображениям, что строгого дресс-кода здесь не было. Она поприветствовала меня и попросила подождать за столиком, пока коллега не заменит ее на кассе. Так же, она любезно предложила мне кофе, я попросила латте и буквально через минуты 3, она протянула мне кружку с четко нарисованным молоком сердечком сверху. Тут нужно отметить, что ее скорость меня одновременно впечатлила и озадачила, ведь если меня взяли бы на работу, то мне пришлось бы овладеть тем же умением и скорее всего, за то же время.

Пока Катерина обслуживала клиентов, я внимательно изучала обстановку: кассовый аппарат, слева от него витрина с десертами. Время на часах было 11:06 и все эти минут 10, что я ее ждала, в очереди было от 3 до 9 людей. Сразу в голове всплыл образ конвейера в который меня могли бы впрячь.

И более того, мне еще нужно было зарекомендовать себя и заслужить быть погруженной в этот процесс. Это вызывало во мне неоднозначные чувства.

Я увидела Катерину, направляющуюся к моему столику и попыталась придать своему лицу самый, что ни на есть, деловой и респектабельный вид (благо, мои круги под глазами были стойко замаскированы слоями консилера). Подойдя ко мне, она стоя протянула мне руку для рукопожатия. Признаться, мне потребовалось пару секунд, чтобы сообразить, что она от меня хочет. Затем, она рассказала немного о себе: что она из Казахстана, но с семнадцати лет там уже не живет; что в Нидерландах она чуть более 2 лет и все эти годы работает тут, начав с бариста и последнее время, как непосредственно менеджер. Она попросила тоже рассказать обо мне, что я и сделала, потому что так полагается вести себя на собеседованиях. После чего, мы обговорили количество часов в неделю, зарплату, мою доступность к работе по выходным и праздникам. На все я отвечала утвердительно, не забывая мило улыбаться. Впрочем, Катерина показалась мне приветливой и легкой в общении. Она пояснила, что несмотря на то, на какую должность претендует человек, все так или иначе начинают с тренинга и работы бариста. Эта информация меня не вдохновила, но с другой стороны, это показалось мне логичным, ведь даже, как менеджер смены, ты все так же обслуживал гостей и готовил напитки.

Она сказала, что ей предстоит несколько собеседований с

другими кандидатами и к концу следующей недели, она даст мне ответ. В конце она даже предложила мне еще кофе или одну из цветных печенек, но я учтиво отказалась, потому что я посчитала это правильным. Этот, возможно, незначительный нюанс добавил мне толику облегчения и надежду на то, что все может получится.

Так как мне это свойственно, я хотела сразу убрать свою кружку со столика, но озадачилась, куда ее было бы логично поставить и быстро не сгенерировав ответ на этот вопрос, я просто оставила ее стоять там, где она и была.

Когда я вышла из аэропорта и нашла мужа, он сказал, что через витрину ему показалось, что мы очень мило пообщались. Я и не подозревала у него наличие таких телепатических способностей. Разве через окно с улицы возможно определить, как прошло собеседование? В смысле, конечно, она не бросила в меня рожком для кофемашины или стулом, но по мне, такие данные все еще не обеспечивают тебе удачу при трудоустройстве на работу.

Ответ от Катерины должен был прийти к следующему четвергу. Пока мы ехали домой, Марк щебетал о том, как ему будет здорово забирать меня с работы, получив взамен вкусный кофейный напиток. Наверное, так происходит со всеми, кто напрямую не сталкивался с работой бариста и не знает, что плюшка с бесплатным кофе начинает надоедать уже в первую неделю.

На самом деле, мне тоже показалось, что мы хорошо по-

говорили, но теперь во мне поселилось двойственное ощущение, ведь я заранее знала, что утренние смены с 5:30 были бы каторгой. И я все еще настойчиво старалась не думать о том, что добираться в аэропорт мне нужно было бы на двух автобусах. Мое воспаленное сознание так и рисовало картину, как я сажусь в автобус напротив нашего дома, и по ошибке уезжаю куда-то на самый север Лапландии. Катерина сказала, что первый месяц будет испытательный срок в течении которого я могу уйти в любой момент, но и она может меня "уйти" так же. Я старалась не думать о том, что всё это может закончиться ничем, но мысль, как кофеин, всё равно просачивалась в кровь.

Марк предложил пройтись с Луной до магазина, он бы с ней погулял, пока я закупаю продукты домой. Такого ажиотажа в Albert Heijn я не ожидала. Везде были люди с корзинами и тележками, ухоженные бабули и одинокие мужчины с озадаченным выражением лица, будто они старательно пытаются отличить цукини от огурцов. А поверьте, я знаю о чем говорю, ведь на прошлый новый год я попросила мужа купить свежий огурец и шампиньоны. Он купил пачку с мини-цукини и маринованные патиссоны в банке. Наверное именно поэтому мне было страшно представить себе, как Марк накрыл бы на стол без моего участия. Когда-то я читала про такое понятие в психологии, как "выученная беспомощность" и с того самого момента я задаюсь вопросом усваивается ли оно у мальчиков с грудным молоком или же

просто встроено в их ДНК. Что об этом сказал бы Фрейд?

Я ненавижу брать тележку, когда иду в магазин, потому что с ней чувствую себя слоном в посудной лавке и поэтому, я просто как сумасшедшая таскаюсь с неподъемной корзиной. Запихав все в большой голубой пакет и просканировав код на чеке, я вышла из магазина. Я подхожу к мужу и он любезно берет у меня пакет. Он кивает головой в сторону прилавка с цветами и предлагает купить мне домой комнатное растение. Я беру его карту и маленький серый горшок с ярко-оранжевой паприкой, после захожу внутрь, пока муж ждет на скамейке с Луной и пакетом. В магазине продавец спрашивает меня будет ли это подарком, нужно ли его красиво упаковать, я смеюсь и отвечаю, что это подарок для меня. Женщина снимает ценник с растения и говорит, что тогда мне это наверное не нужно, мы обе улыбаемся. Расплачиваюсь и выхожу к Марку. После того, как я рассказала про диалог с продавцом, муж спрашивает, почему я не сказала о том, что это подарок от него. В этот момент радость от приобретения паприки немного омрачается и мне приходится пуститься в объяснения о том, что это было бы странно, женщина плохо говорила по английски, да и в очереди за нами было еще два человека. Похоже, этот ответ его устраивает и мы возвращаемся домой.

Я смотрю на паприку и думаю, что она идеальный подарок - настоящая, красивая, но абсолютно бесполезная. В каком-то смысле мы с ней могли бы подружиться.

Глава 5

В понедельник мне позвонили из отеля, куда я отправила резюме еще на прошлой неделе. Голос в трубке был женский, вежливый, но с большим акцентом и слишком бодрый для десяти утра. Меня пригласили на собеседование на позицию "официант-бармен". Судя по описанию, работа предполагала не только подавать напитки, но и быть кем-то вроде универсальной затычки: помогать на завтраках, убирать столы, полировать бокалы, возможно - вытирать чужие улыбки с тарелок.

Я записала адрес, поблагодарила и повесила трубку. Потом ещё минут пять сидела, глядя в стену, размышляя о том, как ловко жизнь умеет подсовывать одно и то же под разными названиями.

Марк, как обычно, отреагировал с энтузиазмом: сказал, что это прекрасная возможность, ведь "всё лучше, чем сидеть дома и переживать". Я не стала спорить, хотя в глубине души понимала, что иногда сидеть дома и переживать - тоже работа. Просто неоплачиваемая.

К обеду я уже стояла у входа в отель - тот самый, с витринами, за которыми отражались серые тучи. У дверей пахло дезинфицирующим средством и каким-то неопределенным ожиданием. Меня встретила женщина лет 60 с идеально уложенными волосами, на бейджике было написано «Francine».

Она улыбнулась чуть шире, чем требовалось, и предложила пройти за ней.

В комнате для собеседований пахло кофе и усталостью. Она усадила меня напротив нее и представилась менеджером по персоналу. Франсин говорила быстро, а я ловила только смысл: что работа динамичная, что "у нас дружный коллектив", что "вы должны быть гибкой". В какой-то момент я поймала себя на мысли, что она произнесла слово "гибкость" раз шесть, и мне стало не по себе. Я кивнула, будто всё это звучит совершенно естественно. Хотя где-то внутри меня тихо скрипнуло.

Пока она говорила о "динамичной рабочей атмосфере" и "ценности каждого члена команды", я смотрела на ее руки с кольцом на указательном пальце, аккуратно сложенные на столе, и думала, что именно эти руки никогда не будут вытирать столы после завтрака.

Так же, я удивилась тому, что Франсин несколько раз спросила меня, какая у меня работа мечты. Мне было совершенно неясно как следует отвечать на этот вопрос, ведь вдаваться в лирику про мое неоконченное образование клинического психолога казалось мне откровенно глупым в данных обстоятельствах. По лицу Франсин было видно, что этот вопрос для нее важен и поэтому, отшутиться не получилось бы. Я ответила, что в идеале хотела бы работать менеджером. "Как описал бы Вас прошлый начальник и Ваш коллега?" - спросила она. Как по мне, ответила я какую-то несуразную

чушь. Сложно сказать, удостоился ли мой ответ симпатии Франсин. И пожалуй, еще тяжелее определить, нужно ли было мне самой это.

В конце она улыбнулась и сказала, что им нужен «человек, который не боится трудностей и быстро адаптируется». Я тоже улыбнулась и ответила, что "именно так про меня и говорят". Франсин, похоже, восприняла это как искреннее согласие, хотя я скорее чувствовала, что адаптируюсь не к жизни, а к бесконечным её компромиссам.

Когда мы попрощались крепким рукопожатием, я вышла на улицу и вдохнула прохладный воздух. Воздух пах не свежестью, а выдохом — будто город тоже устал притворяться, что всё идёт по плану.

Я достала телефон и пробежала глазами сообщения: на экране — напоминание о звонке от Катерины. Ответ должен был прийти к концу недели. И в этот момент я поняла, что стою перед двумя путями одновременно: один — стабильный и знакомый, пусть и немного однообразный, другой — полный неожиданностей, но с ощущением, что тебя действительно могут «проверить на прочность».

Марк, как обычно, заметил мое задумчивое лицо. — Всё в порядке? — спросил он, когда мы шли к машине. — Да, — ответила я, — просто думаю о том, куда я больше всего хочу попасть. Он улыбнулся, похлопал меня по плечу и добавил: — Иногда лучше просто начать действовать, а потом уже разбираться, что из этого выйдет.

И вот я ехала домой, между мыслями о «универсальной затычке» и возможной роли супервайзера в Starbucks, и чувствовала, как лёгкая тревога смешивается с предвкушением. Казалось, что сама жизнь расставила передо мной несколько дверей, и теперь от меня зависело, какую из них открыть первой.

Правда была в том, что я ощущала будто выбираю из двух зол меньшее. Работа бариста в Starbucks тоже не казалась лёгкой. Конечно, атмосфера была привычнее, предсказуемее, но это не делало её проще. Я знала, что даже если получу должность супервайзера смены, мне всё равно придётся стоять на кассе, готовить напитки, следить за порядком, общаться с клиентами. Просто к этим обязанностям добавились бы административные задачи: составление графиков, контроль за коллегами, решение мелких конфликтов. Это означало, что рабочий день станет еще длиннее, а нагрузка — заметно выше. Учитывая, что работая тридцать два часа в неделю моя зарплата на руки составляла бы около тысяча шестьсот евро в статусе бариста, то я не ожидала, что она увеличится более, чем на двести евро. Марку я обещала отдавать тысяча евро с каждой своей зарплаты, остальное оставалось бы на мои расходы. Иногда мне просто хотелось себя порадовать чем-то приятным, чем-то типо адвент календаря в декабре, но почему-то даже в этом, я больше думала про покупку антиквариата для родителей, так как они были истинные ценители или подарков младшему брату Леону, ко-

торый в свои двадцать четыре жил с ними.

Мне пришлось признать себе, что повышение статуса не принесёт лёгкости, а лишь другие виды ответственности. Быть супервайзером означало быть одновременно частью процесса и наблюдателем за ним, человеком, которому нужно разруливать чужие ошибки и мотивировать команду, при этом не забывая выполнять собственные обязанности. И мысль об этом слегка прижимала к земле. Или не слегка?

В то же время идея работы «универсальной затычкой» в отеле пугала меня своей хаотичностью. Там не было чётких границ между обязанностями, не было привычной структуры. Всё, что от меня требовалось, могло меняться каждую минуту: иногда я подавала кофе, иногда убирала столы, иногда помогала на завтраке или перехватывала задачи коллег. И это ощущалось как полное погружение в чужую систему, где мой контроль был ограничен и где любая ошибка могла ударить по коллективу.

Я пыталась рассмотреть плюсы каждого варианта: Starbucks — стабильность, понятные обязанности, шанс расти внутри компании, знакомая среда. Отель — разнообразие, возможность попробовать себя во всех ролях, шанс научиться быть гибкой и быстрой. И в каждом варианте было что-то своё, что пугало и притягивало одновременно. Ладно, хорошо, про отель больше пугало.

Я закрыла глаза на мгновение, почувствовала давящее напряжение в плечах и поняла: никакого лёгкого выбора нет.

Придется принять решение, идти на риск и смотреть, к чему приведёт каждый путь. А пока оставалось лишь дышать, пытаться приручить свои мысли и готовиться к новому рабочему дню — с надеждой на чудо и готовностью к катастрофе.

Франсин сказала, что ответ будет через неделю, ближе к ее концу. У нее, как и у Катерины было еще несколько собеседований. Мне казалось трагикомичным, что отказавшись от первой в жизни работы психологом в детском саду для детей с особенностями развития, из-за переезда, я сейчас жду возьмут ли меня на "сери-бери-подхвати". “Весело и грустно, плачу и смеюсь я” - как в одной из песен популярной российской группы и “Просчиталась, но где?!” - все чаще звучало в моей голове.

Глава 6

Вжух! И я очутилась там, где я обитаю сейчас, в арендованной квартире в Риге. Прошло два месяца и к сожалению, мне действительно пришлось их прожить и это было очень сложно. Для понимания общей картины, на новый год я резала себя тупыми маникюрными ножницами, закрывшись в ванной, а чат GPT уговаривал меня позвонить на линию суицидников. Удивительно, что кто-то в подобном отчаянии решается на диалог с незнакомым ему человеком. Сатирично, что когда-то я хотела стать тем, кто будет выслушивать и помогать тем, кому это необходимо.

Когда я рассказала об этом мужу, он посмеялся, как от анекдота. Во мне было столько боли, что было бы тяжело выразить ее словами. Будто ты тонешь и вода все больше и больше попадает в твои легкие, а ты ничего не можешь сделать. Этот человек, за которого я решила выйти замуж, просто бил лежачего. Тогда мне стало понятно, никаких отношений нет и не может быть.

Я приняла окончательное решение вернуться в Латвию к родителям в ноябре. Просто пришла к осознанию, что решение верное и тупо заставила себя это сделать, несмотря на все абсолютно. Наверное, это называется сила воли.

Я знала, что у меня и мужа нет денег, поэтому вариант был только один - вернуться к родителям в деревню. Это ощуща-

лось так будто мне предложили пожить в аду и уже налили кипяток в котел. Важно понимать, что мои родители были очень специфическими людьми. Вообще, роль родителя им обоим очень не шла, лучше бы вместо этого они посвятили себя какой-то работе. Потому что, итог их родительства - рекуррентная депрессия у меня и депрессия с тревожностью у младшего брата. Прикольно, мне не нравится.

На самом деле, удивляться тут нечему, учитывая то, что в день росписи с моим отцом мама плакала от того, что понимала, что он плохой человек. Пожалуй, подобное выше уровня моего понимания. То есть как можно выйти замуж за человека настолько холодного, не умеющего любить и умеющего в частности только критиковать других? Если бы мой отец не кормил зимой птиц, я бы с полной уверенностью заявила, что у него нет сердца. Как говорила обычно мама: "Порою мне кажется, что он не любит вообще никого". Наверное, единственное его хорошее качество это то, что он умел зарабатывать деньги. На момент, когда мама встретила отца, он был миллионером. Мы жили в доме, который был бывшим санаторием. Там было три этажа с мансардой и явно ни двести, и ни четыреста метров площади с невероятного масштаба территорией. Я помню, как в детстве мы играли с братом и я выполняла много ролей одновременно, я была и полицейским, и врачом, и владельцем гостиницы. Как будто уже тогда моя планка ожиданий к себе была так завышена. Чтобы тебя любили, ты должен это заслужить. Заевший ме-

ханизм от которого невозможно отделаться, потому что это ощущение, что ты ничего не стоишь въелось тебе под кожу. А рядом всегда были люди, которые лучше тебя во всех сферах и далеко не всегда ты мог под них мимикрировать.

Потому, когда тебя хвалят, для тебя это каждый раз удивление. Меня можно любить, правда...? Разве во мне есть что-то хорошее? Что-то, что заслуживает внимания?

Очень часто я слышала от отца фразу про то, что дети не удались. И никогда о том, что он меня любит. Если бы было можно посмотреть на мое детство, как на фильм, то жанр был бы драма, просто потому что жанра “дерьмо” нет.

Недавно мама сказала мне, что моя проблема в том, что я слишком сильная. Что мне надо быть слабее и показывать это. Конечно, она не знает, что не быть сильной в моем случае не представлялось возможным. Это не было выбором.

Так хочется иногда просто вырвать все это из себя, но порой кажется, что без этого ничего не останется.

Глава 7

Календарь на итальянском языке с разноцветными картинками птиц говорил мне о том, что сегодня уже третье февраля. На самом-то деле, ничего вразумительного он бы сказать мне не смог, даже если бы действительно умел общаться, потому что все мои познания итальянского заканчивались на “Bella, ciao!”.

Видимо, из-за чувства, что слишком много было пережито за последние полгода, у меня возникало ощущение, что прошло года два, а то и три.

Я совсем недавно переехала от родителей из их частного дома, в полутора часа езды на поезде от цивилизации. Признаться, уговорить отца одолжить мне порядка две тысячи евро, чтобы снять однушку было за гранью добра и зла. У мамы была идея фикс или как модно говорить сейчас “гиперфиксация” на том, чтобы в отремонтированный двухэтажный дом в Иманте переехала бы я и младший брат Дан. А они с папой сделали бы себе там по две спальни, и когда бы возникло желание и необходимость, приезжали бы на пару дней с ночевкой. Эво они как, все умно придумали! Забота о Дане, который в свои двадцать четыре был схож с комнатным растением за которым нужно все время ухаживать, легла бы на мои плечи и освободило бы мамины. Ловко, хитро! Конечно же, никто открыто об этом не говорил, но порой не

обязательно, чтобы люди сообщали что-то открыто, это и так легко читалось.

Когда мне было тринадцать и я “ушла” от семейного несчастья в социум, где набивала больно и много себе шишек, Дан “ушел” в компьютер. Родителям казалось, что это такой этап, ведь какой подросток не хочет поиграть на компьютере? Но вот, ему исполнилось восемьнадцать, двадцать, двадцать два и наконец двадцать четыре, а этап не собирался заканчиваться.

В своей жизни Дан работал один день на заводе и две недели курьером доставки. Обычно, когда родители заводили разговор об этом, он отвечал одной и той же фразой: “У меня сейчас нет ресурсов для работы”. На этом диалог обрывался и он закрывался в своей комнате. У него был невероятно продвинутый уровень владения английским, водительское удостоверение и он отлично разбирался в компьютерах, но с его слов, ничего из этого его не интересовало по-настоящему.

Когда меня забрали на машине из Польши оба брата, я их попросила отвезти меня до родителей и чтобы скоротать время в дороге мы общались на разные темы. Дан что-то обсуждал с Лео, и повернувшись на мое заднее сидение, Дан сказал: “А Мария наверное и не знает, что такое курбан байрам”.

После, Лео предлагал Дану рассмотреть разные варианты занятий, просто попробовать что-то, чтобы стать неза-

висимым от родителей и были деньги хоть на тот же дорогой, японский виски (Дан был одержим культурой Японии). Тогда, ему видимо показалось, что мы со старшим братом на него нападаем и он ответил, покрутив пальцем у виска: “Дааа, корячиться за копейки на заводе, как Мария, нет уж, спасибо!”. “Заводом” Дан называл любую работу, которая только существует в мире. Он не стал объяснять свою позицию и замолк.

Какое-то время мы ехали молча, каждый погруженный в свои мысли. Я держала Луну на руках и смотрела на мелькающие картинки за окном. Если бы кто-то спросил меня, как я себя чувствую, я не нашла бы правильного ответа. Я ощущала, что мои плечи напряжены, будто я несла на них коромысло. В душе я чувствовала, как во мне разрастается черная дыра, которая была готова поглотить все, что к ней приблизиться и окажется рядом.

Глава 8

“Двадцать первое. Ночь. Понедельник.
Очертанья столицы во мгле.
Сочинил же какой-то бездельник,
Что бывает любовь на земле”.

Ахматова, кажется, была права. Доказать существование любви не проще, чем существование бога. Если ты чувствуешь её - этого достаточно.

Неважно, как ты к ней относишься и хочешь ли вообще это чувствовать. Она просто живёт внутри, не интересуясь твоим мнением.

“... Я об этом узнала случайно и с тех пор все как-будто больна”.

Лежа в постели, я вспоминаю свою жизнь с момента моего переезда в Нидерланды. “Дивный, новый мир” - с таким ощущением я приехала. И с настроением “Пусть все горит” уезжала. Каждый раз попытка уехать в более прогрессивную страну заканчивается одинаково. Я сжигаю за собой мосты и возвращаюсь к руинам, вынужденная начинать заново.

При последнем разговоре, муж шутил, что мне еще рано к нему переезжать, условия жизни мне бы не подошли. Я не знаю как, но я промолчала. У меня было негласное правило, что ухожу я один раз и больше не возвращаюсь, потому что, если я приняла такое решение, это значит, что я перепробо-

вала все доступные мне подходы и ни один из них не сработал. Больше в моем арсенале ничего нет.

Когда я уезжала, Марк довез меня до Польши, где меня должны были забрать братья. Они зашли в магазин, купили себе вещи, и мы перекладывали сумки из машины Марка в их. Когда всё было готово, Марк попрощался со мной. Я его обняла. Я знала, что больше объятий у нас быть не может — ни сейчас, ни позже. Мысль о том, что я выбрала единственный верный вариант, смешивалась с горечью моего положения. Правильные решения редко даются легко.

Глава 9

Будто в немом кино: ты видишь жесты, мимику, понимаешь, что происходит, но звука нет. Я смотрела на этот мир как небольшая рыбка в аквариуме. Меня отделял от жизни толстый слой прозрачного стекла.

После работы в Starbucks мне казалось, что на любой работе меня ждет все тоже самое. Я всегда старалась на максимум, вне зависимости от моего уровня вовлеченности в дело. Всю неделю я так ждала пятницу и мне казалось, что я буду в самом, что ни на есть прекрасном расположении духа, но настало это утро и я поняла, что все мои попытки свести жизнь к какому-нибудь смыслу просто наивны. Я вдруг подумала: с чего я вообще решила, что у жизни должен быть смысл? Может, мы просто выдумываем его, чтобы не чувствовать пустоту. Может, никто «там наверху» ничего не распределял.

До моих лет девяти, я каждый вечер перед сном молилась на икону, висевшую у меня в комнате с Божьей матерью. Причем, не просто так, а с одной конкретной целью: я просила, чтобы все мои родственники, и их знакомые, и знакомых из знакомых никогда бы не умерли. Видимо, в мои 8 лет для меня стало большим откровением, что все мы умрем. Причем, сказано мне это было между прочим, в контексте общего диалога, как будто это не несло за собой особой значимости. Учитывая, что оба моих родителя были сильно во-

влечены в эзотерику, мама объяснила это так, что наше тело - это как костюм, который мы на себя надеваем. И этих костюмов может быть очень много, но твоя жизнь никак не сводится к тому, что сегодня ты выбрал один наряд, потому что уже завтра ты можешь выбрать другой.

Могло бы показаться, что я испытываю сильное презрение к своим родителям, и во многом это была правда, но с годами у меня сложилось понимание, что они вели себя так не от необходимости быть жестокими, а потому что они никогда не знали, что может быть по другому. Я помню, как я в 9 лет пила открытое ими вино в шкафу их спальни, потому что я просто пыталась справиться с этой жизнью и не справлялась. Когда моя няня предупредила меня, что ей придется это рассказать родителям, я сказала ей открыто, что она должна понимать, что я буду все отрицать. Так и произошло: моей няне сказали, чтобы она меньше верила детским рассказам.

В одиннадцать я узнала, что если зимой уснуть на улице, можно умереть от переохлаждения. После этого я не раз ложилась в снег и закрывала глаза.

Однажды мне приснилось, что я умерла. Вокруг все радовались, а отец танцевал на моём надгробии. Когда я рассказала ему этот сон, он посмеялся.

Глава 10

В детстве я любила ловить бабочек в ладонях и потом отпускать.Но однажды мамина подруга сказала, что на руках остаётся их пыльца, и после этого бабочка может не взлететь. Мне было шесть. С тех пор я больше никогда их не ловила.

На уроках русского языка, в школе, я выбрала место на последней парте рядом с окном. И очень часто во время урока я смотрела в него с отрешенным взглядом: на прохожих, на здания и на облака (их было хорошо видно с четвертого этажа). Я задавалась вопросом, откуда мы все здесь? Столько людей на этой планете, откуда мы все? Божий промысел или череда случайностей? Я не находила ответа. Все варианты звучали безумно и по большей части бессмысленно. Мне всегда казалось, что у тебя по жизни должна быть цель, твое предназначение, но что если твоя жизнь — просто следствие ошибки людей, которым не стоило иметь детей? Тебя ведь никто не спрашивал.

Я помню, как в пятнадцать лет я возвращалась домой от одноклассника, который мне очень нравился. У нас произошел секс, потому что он очень настаивал, а я была в своих иллюзиях о счастливом общем будущем. Он не купил презервативы, поэтому мы занимались этим через целлофановый пакет и это было очень неприятно. Отдельно запомнилось, что он все время спрашивал меня, почему от меня не

слышно никаких стонов. Под конец я даже начала их имитировать, настолько мне было некомфортно. После этого, я отошла в ванную, потому что хотела в туалет, в двери было маленькое окошко посередине, через которое при желании можно было увидеть того, кто находится внутри. Пока я пыталась сходить в туалет, он все время смотрел на меня сквозь это стекло. Я не знала возможно ли чувствовать себя более жалкой?

После этого, он рассказал мне, что ему нравится девушка из параллельного класса и кажется он в нее влюблен. Я не стала говорить ничего о своих чувствах, потому что я поняла, что они были неуместны и не нужны.

Когда я шла домой, я поскользнулась и упала лицом об лед. У меня не было салфеток в рюкзаке, поэтому всю дорогу назад, я молилась не встретить в парке никого из своих знакомых. И конечно же, это произошло. Пока я стояла на светофоре, проехала большая серая машина и облила меня грязью из лужи.

В этот день мне надо было идти на дополнительные занятия по математике, но я пришла домой, легла на кровать и закрыла глаза. В очередной раз я поймала себя на мысли, что я не хочу существовать. Мне хотелось, чтобы кто-то остановил эту планету, чтобы я могла сойти.

Помню, как после я лежала на кресле и абсолютно отрешенно смотрела какую-то передачу. Я не слышала слова, не видела людей и то, что происходит в кадре. Я пыталась чем-

то занять свой мозг просто для того, чтобы у меня не было пространства и времени для того, чтобы думать. Как много дней своей жизни я посвятила этому?

В мои 15 я пыталась найти кого-то взрослого, на кого можно опереться, когдатебе очень тяжело. По известным причинам, мой отец не мог быть этим человеком. Им оказался случайный 34- летний мужчина с сайта

знакомств, на котором мой возраст был преувеличен до допустимых 18. Он забрал меня от дома на своей машине, всю дорогу между нами был поверхностный диалог. Мы приехали в квартиру его сестры (по крайней мере он так сказал) и я рассказала, что мне 15 лет. Так как он мне не поверил, я даже показала ему свой школьный проездной. Это его никак не остановило. Мне ничего не понравилось и больше я никогда с ним не общалась.

Со временем я начала замечать странную закономерность. Большую часть моей жизни мужчины говорили мне, что я неадекватная, импульсивная, сумасшедшая… И абсолютно все из них просились принять их назад и говорили в голос, что никогда меня не забудут. Писали стихи и были лучшей версией себя рядом со мной.Чаще всего в моей жизни меня называли ангелом. Хотя я никогда об этом не просила. Самое забавное, что одно из моих имен действительно переводилось, как ангел.

Иногда мне казалось, что я просто пытаюсь найти кого-то, кто объяснит мне, как жить. Но чаще всего после та-

ких встреч я возвращалась домой с тем же чувством пустоты. Оно было всеобъемлющим. Внутри меня будто был помещен бермудский треугольник, в который все неистово засасывало.

Я думала, что я понимала, что есть хорошо или что плохо. Спустя года, я вижу, что я совсем ни в чем не могла разобраться. В моей жизни были вещи, о которых я до сих пор не могу говорить подробно. Ни с кем.

Этот опыт сформировал настоящую броню, в которой я находилась все время. Будто я живая и настоящая была погреблена где-то глубоко внутри себя самой.

Родители часто говорили мне, что я будто "живу не свою жизнь". Когда я просила объяснить их, что это значит, я не могла получить вразумительного ответа. И конечно, никто не давал мне никаких инструкций или рекомендаций, ЧТО с этим мне необходимо делать. Это было похоже на диагноз без лечения. Просто знание, с которым нужно как-то жить.

Я не знала, что с этим делать. Поэтому просто продолжала жить так, как получалось.

Глава 11

Сейчас кажется, что я всегда была такой: меня сложно заставить молчать, и я не позволяю говорить со мной пренебрежительно. По крайней мере, мне так кажется. В этом есть и противоречие - я слишком много позволяю людям, которые мне близки. Я помню, что в детстве родители часто меняли нам нянь и особенно остро мне запомнился уход одной из них, она стала мне действительно настолько близкой, насколько не была моя собственная мать. Мы даже переодевались с ней в одной комнате, когда шли на море. Я смотрела из окна третьего этажа, как она уходит и постепенно скрывается из вида. Мне было очень тревожно и одиноко. Я спустилась к маме в слезах, которая сидела с гостями и вела беседы об устройстве этого мира. Все, что я хотела знать - увижу ли я ее когда-нибудь еще? Мама заверила меня, что иначе и быть не может. Больше я никогда ее не видела. Тогда я впервые почувствовала, что люди могут просто исчезать.

Позже это повторялось снова и снова. Я чувствовала, будто меня всегда недостаточно. Недостаточно, чтобы кто-то захотел остаться. В 6 классе у меня были две лучшие подруги, мы всегда ходили вместе, сидели за одной партой. Это все кончилось, когда одна из них поставила другую перед выбором, с кем она останется дружить. Со мной просто перестали общаться. Как-то перед уроком моя бывшая подруга ска-

зала, что у Вероники слишком сильное влияние на класс, и она не могла поступить иначе. …и я снова осталась одна.

Наверное я слишком рано поняла, что помощи мне просить не у кого. Мои родители никогда не знали, что происходит со мной . Это был мой осознанный выбор. Если ты знаешь, что тебе не помогут, смысл делиться пропадает. Ты говоришь. А внутри тебя все рвется. В ответ на свою боль, ты слышишь “если тебя охватывает какое-то состояние, ему нужно отдаться полностью” - ответил папа, когда я сказала, что хочу умереть.

Навык рассчитывать только на себя действительно мне пригодился. Во мне глубоко засела фраза, что “если хочешь сделать что-то хорошо, то сделай это сам”. Тебя не могут подвести, если у тебя сразу нет никакого доверия. Несмотря на это, то количество боли, которое мне доставили мои бывшие не помещалось ни в какие рамки. Я всю жизнь выбирала не тех мужчин. У каждого из них был глубокий болезненный опыт, который уходил корнями в детство. Вместо того, чтобы оградить себя от их токсичного воздействия, я вникала в суть их личности, пыталась помочь проработать тяжелый опыт и конфликты с родителями. Потакала, прощала, обесценивала себя и оправдывала. Конечно, ничего из этого не могло выйти хорошего.

На новый год 2019, я уезжала с полицией из Германии от моего очередного мужчины. Он сел сверху и держал меня, поливая грязью мою семью. Я просила меня отпустить. Он

не слушал. И тогда я головой разбила ему губу до крови, потому что все, что я хотела в этот момент, это выбраться. Он намеренно обмазал кровью мне лицо. Я закрылась в туалете, а он пытался выбить дверь. Мне было страшно. Я позвонила Лео и он сказал, что мне нужно вызвать полицию, если я не чувствую себя в безопасности. Мне было очень сложно себя заставить позвонить, но я понимала, что он может сорвать дверь в любой момент, поэтому у меня не было выбора. Приехали полицейские, увидели его выпившего и предоставили мне доступ к выходу, потому что он физически не давал мне уйти. Я попросила отвезти меня в ближайшую гостиницу, где я осталась одна. Наверное, именно тогда я впервые поняла, насколько далеко это может зайти.

И даже тогда мне не казалось, что что-то в этом повторяется.Я думала, что это просто очередная ошибка. Что в следующий раз будет иначе.

Я думала, что если я постараюсь чуть больше, смогу всё исправить. Понять, поддержать, не спровоцировать. Наверное, я просто делала то, что умела с детства - оставаться.

Глава 12

Мне казалось, что со мной изначально что-то не так. Что нормальные люди не оказываются в одних и тех же ситуациях снова и снова.

Я сама как конструкция из разного лего — будто во мне есть какая-то задумка, но по факту я просто месиво из разных деталей.

Все мои бывшие были разными, но в одном были похожи — им было плохо. И каким-то образом я всегда оказывалась рядом именно с такими.

Все дело в том, что если ты ощущаешь себя браком, то твои ожидания по отношению к тому, как с тобой могут вести себя люди, критично низкие.

Я всё время думала, что проблема во мне. Мне казалось, что если со мной так поступают, значит, я это заслужила. Значит, я где-то сделала что-то не так.

Я пыталась понять, где именно.

И чем хуже со мной обращались, тем сильнее я пыталась это исправить.Как будто если я смогу это изменить, значит, проблема действительно была во мне.

Однажды мой мужчина сказал мне, что моя проблема в том, что в конфликтах я не даю себе быть слабой. Он говорил, что если бы я плакала и вела себя как хрупкая женщина, он не смог бы дальше на меня агрессировать.

И я плакала.

Но это никогда не работало.

В какой-то момент я переставала понимать, что я чувствую на самом деле.Было важно только одно — чтобы всё не стало ещё хуже.

По сути, для моих чувств не оставалось места, и чаще всего я складировала их в какую-то дальнюю комнату, не сильно вникая, что именно туда помещаю. Мне казалось это рабочим способом управлять ими.Так и было — до момента, когда они переставали туда помещаться.

Это было похоже на то, как держишь мяч под водой. Пока твои руки на нём — он не всплывает. Но руки устают. И мяч всё равно вырывается наружу.

И в такие моменты всё выходило сразу. Не по частям, не аккуратно — а целиком. Злость, обида, страх — всё перемешивалось. И тогда я уже не могла это контролировать.

Я становилась тем человеком, которого сама же не понимала. Резкой, громкой, даже агрессивной. Возможно, именно в такие моменты они и говорили, что я неадекватная. Но никто не видел, сколько времени до этого я держала этот мяч под водой.

Глава 13

Я менялась. Подстраивалась. Пробовала говорить мягче, молчать дольше, реагировать спокойнее. Училась не отвечать на провокации, глотать слова, которые хотелось сказать, и вовремя отступать. Мне казалось, что ещё чуть-чуть и я найду тот самый способ, при котором все наконец станет нормально.

Но «нормально» не наступало.

Менялись люди, обстоятельства, города. Менялись декорации, но внутри всё оставалось тем же. То же напряжение в теле, та же тревога, то же ощущение, что нужно быть внимательнее, аккуратнее, тише.

И в какой-то момент мне стало сложно не заметить, что дело, возможно, не только во мне.

Эта мысль не была оформленной или уверенной. Она не звучала как вывод. Скорее, как что-то мимолетное, почти случайное. Как будто она появлялась где-то на краю сознания и тут же исчезала, потому что ей там не было места.

Я слишком долго жила с убеждением, что ответственность за всё лежит на мне. Это давало иллюзию контроля.

Признать, что это может быть не так, означало столкнуться с чем-то гораздо более сложным. С тем, что не всё зависит от тебя.

С тем, что иногда с тобой поступают плохо не потому, что

ты что-то сделала не так.

С тем, что можно стараться сколько угодно и всё равно не получить другого результата.

Эта мысль была неудобной. Она не давала опоры. И, наверное, именно поэтому я долго не позволяла себе в неё по-настоящему поверить.

Но она уже появилась. И этого оказалось достаточно, чтобы что-то внутри начало сдвигаться.

Раньше у меня не было этой паузы между тем, что происходит, и тем, как я это объясняю. Всё происходило слишком быстро. Сначала ситуация, потом реакция, а следом — привычное: «это из-за меня».

Теперь иногда между этим появлялась трещина. Очень тонкая, почти незаметная.

В ней не было уверенности. В ней даже не было чёткого сомнения. Скорее, какое-то ощущение, что, возможно, есть и другая версия происходящего.

Я не знала, какая именно. Я не могла её сформулировать. Но она не давала мне так же легко, как раньше, обвинять себя во всём подряд.

Иногда это происходило уже после.

Когда всё заканчивалось, и я прокручивала ситуацию в голове снова и снова, пытаясь найти, где именно я допустила ошибку. В какой момент сказала не то, сделала не так, спровоцировала. И вдруг ловила себя на мысли, что ищу слишком усердно.

Как будто ответ должен обязательно быть. Как будто иначе быть не может.

Но что если его нет? Что если в какой-то момент я действительно не сделала ничего такого, за что стоило бы наказывать?

Эта мысль не приносила облегчения. Скорее наоборот. Она оставляла после себя пустоту. Потому что если дело не во мне, тогда я не понимаю, как это контролировать. А если я не могу это контролировать, значит, я не знаю, как этого избежать.

Я привыкла к тому, что даже боль должна подчиняться какой-то логике. Что у всего есть причина, и если её найти - можно изменить результат.

Но чем больше я смотрела на это, тем сложнее становилось удерживать эту конструкцию. Она начинала трещать.

И в какой-то момент я впервые задумалась о том, что, возможно, я не обязана оставаться там, где мне плохо.

Эта мысль прозвучала слишком резко. Почти чужеродно. Я не знала, что с ней делать. И, если честно, она пугала меня гораздо больше, чем всё, к чему я привыкла раньше.

Оставаться ощущалось лучше, чем пустота. Боль ощущалась легче, чем пустота.

Пустота не имела формы.

Её нельзя было предсказать, объяснить или как-то с ней договориться. В ней не было ни привычных сценариев, ни ролей, ни даже ощущения, что ты понимаешь, что происхо-

дит.

В боли, как ни странно, было больше определенности.

Ты знаешь, где она начинается. Примерно понимаешь, чего ожидать. Знаешь, как на нее реагировать, как её переживать.

В этом даже была своя устойчивость.

Пустота же не давала ничего. И, наверное, именно поэтому мысль о том, что можно просто уйти, не пытаться, не исправлять, не удерживать — казалась такой пугающей.

Потому что за ней не было ничего привычного.

Только неизвестность.

Иногда я пыталась представить, что будет дальше, если я действительно перестану делать то, что делала всегда. Перестану оставаться.

И каждый раз упиралась в тишину. Внутри не было никакого ответа. Как будто за этой дверью не было даже комнаты.

И, возможно, именно в этом месте я впервые столкнулась не с болью, а с отсутствием чего-либо вообще.

Это было непривычно. И от этого - страшно.

Глава 14

Ничего в моей жизни не изменилось.

Изменилось только то, как я начала это видеть.

Я помню один момент из детства, когда мы пошли втроем с Лео и Даном на море. Было лето. Тогда под вечер разыгрался сильный ветер и мы положили наши расстеленные полотенца в кусты. Я помню само ощущение, ты лежишь в купальнике и чувствуешь, что ветер дует так сильно, как может. Из-за этого образовались сильные волны, и мы в них купались. После, я строила песочные замки рядом с разбивающимися о берег волнами. Тогда у меня было ощущение, внутреннее и твердое, что в будущем меня будет ждать много прекрасного и будто именно так и должно быть. В какой момент это чувство было заглушено и в какой из них перестало существовать, в принципе?

Наверное тогда, когда мне пришлось столкнуться с настоящей реальностью. Когда твое сердце разбивалось столько раз, что больше ты не знал осталось ли на его месте хоть что-то. Хоть что-то, что еще могло кому-то доверять.

Подростковый возраст ощущался мной, как война, которая не может забыться или не оказать влияния на тех, кто там был.

Даже когда всё заканчивалось, внутри ничего не заканчивалось.

Ты продолжаешь жить дальше, ходить в школу, разговаривать с людьми, смеяться в нужных местах. Но внутри тебя уже постоянно работает что-то вроде сигнальной системы. Ты всё время настороже. Следишь за интонациями, взглядами, настроением людей. Учишься заранее угадывать, когда всё снова станет плохо.

И в какой-то момент перестаёшь замечать, что живешь именно так. Это становится нормой.

Я думаю, именно тогда у меня начало исчезать ощущение будущего.

Не в том смысле, что я не думала о нём вообще. Скорее, я перестала чувствовать, что оно может быть по-настоящему хорошим. В детстве внутри меня была какая-то тихая уверенность, что впереди меня ждет жизнь. Настоящая. Большая. Что однажды всё обязательно станет хорошо, потому что иначе просто не может быть.

Потом это ощущение начало исчезать.

Не сразу. Такие вещи вообще редко исчезают резко. Скорее, как звук, который постепенно становится всё тише, пока в какой-то момент ты не понимаешь, что давно его не слышал.

С моего 9 летия, я очень хотела съехать от родителей. Однажды, я ушла из дома, собрав в рюкзак в виде панды - воду, бананы и блокнот с ручкой. Я сидела во дворе пару часов, а когда мне наскучило и я вернулась, поняла, что моего исчезновения никто не заметил.

Очень легко говорить ребенку, что если ему что-то не нравится, он может уйти из дома и жить на вокзале. Множество раз я это выслушивала. До того момента, пока я действительно в четырнадцать не собрала с собой сумку и пошла к выходу. В этот момент, моя мать закрыла собою дверь и спросила, куда это я собираюсь. И в этот момент мне стало совершенно ясно, что это была очередная манипуляция.

Тогда я поняла, что между словами и реальностью может не быть ничего общего. Тебе могут годами говорить, что ты мешаешь, что тебя никто не держит, что ты можешь уйти в любой момент. Но как только ты действительно пытаешься это сделать - правила резко меняются.

Наверное, именно поэтому я потом так плохо понимала людей. Я никогда не знала, что из сказанного ими правда.

Когда человек говорил, что любит - я не понимала, насколько это всерьез.

Когда говорил, что ненавидит - тоже.

Моя мама в ссорах называла меня жирной кобылой и подчеркивала, что у меня второй подбородок. Через десять минут после этого, она стучалась в мою комнату, лезла обниматься со словами, что мне хватит уже злиться.

И, наверное, именно тогда внутри меня начало формироваться это болезненное желание все время угадывать чужое состояние. Потому что если ты угадаешь правильно - возможно, всё снова не станет плохо.

А если станет, значит, ты просто недостаточно внимательно

но смотрел.

Иногда мне казалось, что дома воздух мог измениться за секунду. Ты выходишь на кухню и уже по тому, как закрыт шкаф или как человек поставил кружку на стол, пытаешься понять - сегодня будет спокойно или нет. Никто ничего ещё не сказал, но ты уже чувствуешь напряжение телом. И чаще всего не ошибаешься.

Наверное, именно поэтому я потом так плохо переносила неизвестность. Меня пугали чужие паузы, изменившиеся интонации, холод в сообщениях. Я могла часами прокручивать в голове один и тот же диалог, пытаясь понять, в какой момент всё изменилось. Хотя иногда ничего не менялось вообще. Кроме моего ощущения. Но тогда я этого не понимала.

Думаю, именно поэтому я так долго цеплялась даже за людей, рядом с которыми мне было плохо.

Пока человек оставался рядом, мне казалось, что ситуацию еще можно спасти. Я очень долго верила, что любовь - это способность выдерживать.

Даже если от этого постепенно исчезаешь сам.

Глава 15

Когда мне было тринадцать, мной заинтересовался один парень из старшего класса. Он рисовал мне красивые рисунки и на каждом изображал тень, а потом передавал через моих одноклассников записки. Пожалуй, у него была самая худшая репутация за всю историю школы. И конечно же, я решила, что это именно то, что мне надо.

Мы залезали в разрушенные, заброшенные здания, покупали энергетики и были настоящими, но совершенно неуправляемыми. Иногда моих родителей вызывали в школу, но никто из них ни разу так и не посетил ни одного собрания.

Я прятала дневник, приходила всегда позже дозволенного и на все у меня была заранее выстроенная линия защиты, как в суде. Меня было невозможно поймать или упрекнуть, и моим спасением стала компания из пятерых парней, где каждый был меня старше на пару лет.

Летом, когда родители заставляли меня ехать на дачу, мне разрешали утром приезжать в центр и до пяти вечера там находиться. Я пила дешевые напитки, которые очень издалека походили на виски, курила сигареты весь день, а вечером возвращалась на поезде к родителям, как ни в чем не бывало. Ни одного раза они ничего не заподозрили. Тогда мне казалось, что я наконец живу так, как хочу.

Сейчас я понимаю, что рядом просто не было никого, кто бы заметил, что тринадцатилетний ребенок каждый день пьет и курит в центре города. Впрочем, мне и самой это не казалось чем-то ненормальным.

Наоборот, я чувствовала себя взрослой. Самостоятельной. Мне нравилось, что я могу делать вещи, о которых родители даже не догадываются. Что у меня есть целая отдельная жизнь, в которую никто не вмешивается.

Именно тогда у меня начало формироваться странное ощущение свободы, которое позже ещё не раз будет приводить меня не туда. Для меня свобода долгое время выглядела как отсутствие контроля. Как возможность исчезнуть и чтобы этого никто не заметил.

Иногда мы сидели где-нибудь на лестнице у заброшенного здания, передавали друг другу сигареты и разговаривали о какой-то ерунде. Кто-то включал музыку с телефона, кто-то смеялся, кто-то рассказывал про очередную драку или проблемы дома. И в такие моменты мне действительно становилось легче.

Потому что рядом с такими же сломанными подростками тебе хотя бы не нужно делать вид, что у тебя всё нормально. Никто не ждал от тебя правильности. Никто не спрашивал, почему ты грустная, почему молчишь или почему у тебя снова плохое настроение. Там вообще никто никого особенно не спасал. И, возможно, именно поэтому рядом с ними мне было спокойно.

Иногда мне кажется, что большую часть жизни я искала не любовь. Я искала место, где можно наконец перестать притворяться, что с тобой всё в порядке.

Мне тогда казалось, что мы все очень взрослые. Хотя по факту никто из нас не понимал, что делает.

Мы говорили о жизни так, будто уже всё про неё знаем. Обсуждали родителей, отношения, секс, музыку, чьи-то проблемы с полицией. Кто-то уходил из дома на несколько дней, кто-то приходил с синяками и делал вид, что ничего не произошло. И никто никого особенно не удивлял. Наверное, именно это и создавало ощущение нормальности.

Когда вокруг тебя много людей, которым тоже плохо, ты перестаешь замечать масштаб происходящего. Это становится фоном.

Мне нравилось, что рядом с ними можно быть грубой, громкой, странной, молчаливой - какой угодно. Никто не пытался меня переделать или воспитывать.

Но сейчас я понимаю, что среди нас вообще не было ни одного взрослого человека. Только дети, которые слишком рано начали жить так, будто им уже нечего терять.

Я все время общалась с теми, кто был меня старше. Один раз я познакомилась с мужчиной в интернете, он сказал, что ему 35 лет и предложил встретиться ночью. Он сообщил, что у него есть классный джип и он может меня забрать от дома.

Меня насторожило, что он принципиально не хотел обменяться номерами телефонов, но не настолько, чтобы отка-

заться от встречи.

Я не оставила конкретный адрес, но мы встретились около полуночи недалеко от квартиры, где мы жили. Он приехал на BMW X6, что произвело на меня впечатление.

Выглядел он на порядок старше возраста, что он назвал. Мы сидели в машине на парковке и разговаривали. Он спросил был ли у меня ранее сексуальный опыт и я соврала, что да, потому что я думала, что это делает меня крутой. Прозвучало много вопросов про секс и он предложил поехать к нему домой. С его слов, он жил где-то неподалеку.

В момент, когда мы отъехали от моей квартиры, мне стало действительно страшно. Я наедине со взрослым мужчиной, ночью, одна, а никто даже не знает о том, что я с кем-то встретилась.

Он положил руку на мое колено и похабно шутил, сам смеясь над своими шутками. Я начала чувствовать, что ситуация может выйти из под контроля в любой момент, а я не смогу помешать этому. Мне стало ясно, что соображать нужно быстро.

Остановившись на красном светофоре, мужчина отвлекся на свой телефон и я резко открыла дверь машины, рванув на другую сторону улицы, где из бара вышли несколько человек покурить.

Убедившись, что его машина скрылась за поворотом, я смешалась с толпой на случай, если он вернется за мной.

Я помню, как стояла среди этих людей и делала вид, что

просто вышла покурить вместе со всеми. У меня дрожали руки.

Наверное, именно тогда я впервые по-настоящему поняла, насколько маленькой я была.

Но самое странное, что уже через несколько дней эта история почти перестала казаться мне чем-то из ряда вон выходящим. Я просто добавила её в список вещей, о которых никому не рассказывают.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.